

8. Козловски П. Этика капитализма. СПб., 1996.
9. Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Локк Д. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М., 1986.
10. Перцев А.В. Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе. Екатеринбург, 2002. С. 156.
11. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2007.
12. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.
13. Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М., 1996.
14. Фрезер Д. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1989.
15. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
16. Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66).
17. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 350.

Костина А.В.,
г. Санкт-Петербург

КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩИ

В последнее время очевиден рост интереса к сфере питания. Свой первичный опыт о мире человек получает с помощью пищи.

С.Н. Булгаков, размышляя о пище, пишет: «Мир входит в нас через окна и двери наших чувств» [1].

Пища показывает, насколько человек изначально един с миром. Еда - доказательство того, что человек - существо из этого мира, именно еда, а не

способность мыслить, обеспечивает человеку доминирующе-управляющую позицию в мире.

Интерес к еде возникает в исторической и этнографической науке во второй половине XIX века. При этом интересно как приготовление пищи, так и ее потребление. Это еще и потому, что пища - не только способ удовлетворения биологической потребности, но и явление культуры.

В социологии интерес к этой теме возник относительно недавно, при том, что о важности изучения питания как социальной практики в свое время писал еще русско-американский ученый П.А. Сорокин, указывая на ту роль, которую играет нехватка продовольствия в увеличении случаев отклонений (преступности, взяточничества, вымогательства и других), и как следствие, в развитии социальных и политических переворотов.

Голод, по словам ученого, не только усиливает апатию и индифферентность, он вызывает рост девиантного поведения, подавляет инстинкт самосохранения, деформирует психосоциальное «я» личности [2].

Целенаправленный интерес социологов и культурологов к изучению телесных практик, связанных с питанием, возрос с возникновением собственно социологии потребления. Разработку подходов, направленных на изучение потребления пищи, осуществил ряд известных ученых XIX–XX века. Среди которых: Т. Веблен, П. Бурдьё, Дж. Ритцер и другие. Однако, несмотря на активизацию интереса к данной тематике, четко оформленные и законченные социологические концепции, характеризующие практики питания, как в западной, так и в отечественной социологии, так и не сложились.

В многообразии научной литературы можно выделить следующую классификацию взглядов, определяющих специфику социологического анализа практик питания.

1. Классовый подход (Т. Веблен, П. Бурдьё, Д. Саутертон, М. Уокер, Ю. Захарова, А. Голова и другие), рассматривает практики питания через

концепты образа и стиля жизни. Наибольший интерес здесь представляют теория демонстративного потребления пищи (Т. Веблен) и концепция вкуса (П. Бурдье)

2. Культурологический или культурно-сакральный (обрядовый, ритуальный) подход, то есть практики питания через концепт «культуры питания» (С. Лич, А. Гофман, А. Муратова, П. Расионеро и другие).

3. Семиотический (знаковый) подход (К. Леви-Стросс, С. Кириленко и другие), рассматривает потребление продуктов питания как, систему знаков и символов и основу для коммуникации в обществе. Наиболее значима здесь концепция символического значения пищи (С. Кириленко).

4. Феноменологический подход, то есть рассмотрение потребления продуктов питания как одного из составляющих процесса конструирования «жизненного мира» индивида, как смыслопорождающую практику, наполненную множеством социальных значений (С. Алехандро, Ж. Рекерт-Джон, М. Тренингер, Б. Халькиер, Е.Ю. Ганскау и другие).

5. Интеракционистско-ролевой подход, то есть потребление продуктов питания как сфера социального взаимодействия, в процессе которого происходит передача и освоение социального опыта различными деятелями (К. Вульф, В.И. Ильин и другие).

Если говорить о статусной или демонстративной теории потребления пищи, разработчик которой - Т. Веблен, то здесь важно отметить следующие моменты.

Во-первых, концепция престижного потребления в целом, и прежде всего, моды. Однако в дальнейшем в его теории стали прослеживаться аспекты, имеющие непосредственное отношение к питанию. В своей книге «Теория праздного класса» он представил и развил идею о том, что «образ жизни и модели потребления не только отражают социальные различия, но также и действуют как средство поддержания социального статуса» [Веблен Т. Теория праздного класса /ТорстейнВеблен. М.: Прогресс, 1984. – с.93].

Исходя из которого, ясно, что, по мнению Т. Веблена, в процессе потребления происходит символизация статуса, и это в основном относительно высших классов.

В работе Т. Веблена «Теория праздного класса» есть информация: на протяжении развития человечества всегда существовали люди, которые освобождены от общей работы. Производительный труд характерен для низших слоев общества, для них это обычное средство к существованию.

Так как они смирились с таким образом жизни, то для них труд не унижителен, наоборот они горды от того, что их работа носит производственный характер.

В противовес им другой класс, занимающий высшее положение и воздерживающийся от производительной деятельности. Его Веблен называет «Праздным классом». Труд для них - показатель более низкого положения и недостоин высокого звания человека. Их занятия - это управление, войны, спорт, религия и развлечения. Отсюда мысль, праздный класс – это неподвижные лентяи, которые безглаголиво относятся к зарабатыванию средств к существованию, с помощью производительного труда.

Подставное потребление в семьях средних и низших слоев не может считаться прямым выражением праздного образа жизни, так как семьи со средним и низким достатком в праздный класс не попадают. Здесь скорее праздный образ жизни находит свое опосредованное выражение.

В вопросе почтенности праздный класс занимает главное положение в социальной структуре, а его образ жизни и нормы достоинства представляют собой нормы почтенности для всего общества. Соблюдение которых, до некоторой степени приблизительное, становится долгом всех, кто стоит на более низких ступенях социальной лестницы.

В современном цивилизованном обществе предельная линия между его слоями становится размытой и подвижной, и в любом обществе, где имеет место такая картина, норма почтенности, устанавливаемая высшими

классами, распространяет свое влияние сверху вниз на всю структуру общества до самых низких слоев.

В результате в качестве своего идеала благопристойности представители каждого слоя общества принимают образ жизни, вошедший в моду в следующем соседнем, вышестоящем слое и стремятся не отставать от этого идеала. Боясь в случае неудачи поплатиться своим добрым именем, а также потерять уважение к себе, они вынуждены подчиняться общепринятому закону благопристойности, по крайней мере, внешне.

Основа, на которой, в конечном счете, покоится хорошая репутация в любом высокоорганизованном обществе, - денежная сила. Средства демонстрации денежной силы и средства приобретения или сохранения доброго имени - праздность и демонстративное материальное потребление. Собственно, оба эти способа, пока остается возможным их применение по мере движения вниз по ступеням социальной лестницы, остаются в моде; и в тех более низких слоях, где эти два способа применяются, и та и другая обязанность в значительной мере передается в семье жене и детям.

На более низкой ступени, где для жены становится неосуществимой какая бы то ни была степень праздности, даже показной, все-таки сохраняется демонстративное материальное потребление, осуществляемое женой и детьми. Глава семейства также может что-то делать в этом направлении и обычно на самом деле делает, однако при погружении на еще более низкие уровни, где бедность граничит с жизнью в трущобах, мужчина, а вскоре и дети практически перестают потреблять материальные ценности ради видимости и женщина остается практически единственной, кто демонстрирует денежную благопристойность семьи.

Любое демонстративное потребление, ставшее обычаем, не остается без внимания ни в каких слоях общества, даже самых обнищавших. От последних предметов отказываются чаще под давлением жесточайшей нужды. Люди будут выносить крайнюю нищету и неудобства, прежде чем

расстанутся с последней претензией на денежную благопристойность, с последней безделушкой. Нет ни одного класса и ни одной страны, которые бы столь робко поддавались давлению физических потребностей, что отказывали бы себе в удовлетворении такой высшей, или духовной, потребности.

Более развернутой и содержательной является концепция вкуса П. Бурдьё. С точки зрения французского ученого, человек в своей повседневной жизни - будь то повседневная деятельность или практики питания, опирается на прошлый опыт. Он называет это габитусом: «приобретенной системой порождающих схем» [3].

П. Бурдьё обращает внимание на то, что устойчивое воспроизводство определенных практик питания или культурного потребления выглядит как стратегия и объект объективно организовано как такое, но при этом может не быть продуктом никаких стратегических целей, а скорее делом привычки. Просто устойчивость действий порождает иллюзию их целеустремленности.

Где вкусы преобразуют физические свойства потребительских благ в символические выражения классовых позиций.

Другая сторона в анализе П. Бурдьё – различие «формы» и «содержания» в потреблении. С точки зрения ученого, «содержание» отражает функциональное использование: то есть принимать пищу для того, чтобы не испытывать чувство голода.

«Форма» же касается в первую очередь процесса сервировки, порядка подачи блюд, а также других ритуалов.

П. Бурдьё пишет также, что для высших классов в потреблении продуктов питания значительно важнее форма, тогда как для низших классов - содержание, подразумевая при этом под классами группы, ранжированные по общей сумме аккумулированных капиталов всех видов (социального, культурного, символического и пр.).

Рассматривая тело как наиболее очевидную материализацию вкуса, П. Бурдьё указывает, что восприятие различными классами тела и воздействия на него потребляемой пищи различаются.

Так, рабочие классы отдают предпочтение силе и покупают дешевые, питательные пищевые продукты, в то время как профессионалы (средний и высший классы) скорее концентрируются на здоровье, предпочитая вкусную, здоровую, легкую и нежирную пищу. П. Бурдьё также отмечает существование взаимосвязи вкуса к определенным блюдам с концепцией полового разделения труда и экономикой домохозяйства.

Идеи о классовой природе практик питания являются довольно распространенными в западной и отечественной социологии. Так, в результате ряда исследований некоторыми учеными за рубежом были сделаны значимые обобщения о наличии корреляции между потреблением продуктов питания и позициями, занимаемыми индивидами в социальной структуре общества.

Среди российских исследований можно назвать работу Ю. Захаровой, направившей свой научный интерес на изучение стилей потребления россиян, где стиль потребления - сознательные, устойчивые предпочтения определенных наборов продуктов питания и отказ от других в пространстве соответствующей социальной структуры.

Она провела ряд интервью с представителями различных социальных слоев с целью выявления статусных особенностей их питания. В результате проведенного исследования Ю. Захаровой было установлено: потребление продуктов в основных группах современного российского общества различается по следующим параметрам:

- предпочитаемый набор продуктов;
- усилия, затрачиваемые на приготовление еды;
- отличие питания в будние и выходные дни, отличие праздничного и повседневного питания;

- манеры, традиции, ритуалы, связанные с приемом пищи; питание вне дома [4].

Особо необходимо здесь упомянуть посвященные изучению связи здорового образа жизни и практик питания (К. Хупкенс, М. Томлинсон, В. Тапилина и других). В частности, К. Хупкенс рассмотрел классовые различия мотивов выбора продуктов и норм пищевого воспитания. Основная гипотеза здесь - предположение, что высшие и средние классы (учитывая и уровень образования) предпочитают более «здоровые» практики потребления продуктов и напитков, чем низшие.

В социологической науке также были предприняты попытки определить особенности практик питания не только в стратификационном срезе (социальном разделении на бедных, зажиточных и богатых) структуры общества, но и в географическом (специфика потребления продуктов питания в различных регионах мира, страны и другие). Так, отечественные социологи на базе данных официальной статистики выделили следующие типы питания: мегаполисное, городское, огородно-деревенское и промыслово-скотоводческое [5].

Интересен подход к потреблению пищи Э. Лича. В своей работе «Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов» он рассматривает питание как элемент культурной, а иногда и сакральной (ритуальной) практики.

Например, тот способ, которым человек готовит кофе, и те приспособления, которые он использует при этом, несут информацию о его культурных знаниях. То есть все разнообразные невербальные параметры культуры, такие, как пища, приготовление еды и другое, – организованы в модельные виды так, чтобы включать закодированную информацию аналогично со звуками, словами обычного языка.

Э. Лич выделяет во всяком человеческом поведении три стороны: естественную, техническую и выражающую.

Отсюда, акт питания как естественная физиологическая потребность в человеческом исполнении предполагает кулинарную обработку, то есть технический аспект и дальнейшее гастрономическое потребление с максимальной выражающей способностью. То есть имеет место использование различных видов пищи и питья как типовых маркеров социальных ситуаций и как способов систематического культурного контекста. Пища - это культурный код, с помощью которого символическое вписано в материальные структуры существования.

Таким образом, культурологический подход предполагает рассмотрение вопроса потребления продуктов через концепт «культуры питания».

В рамках данного подхода исследователи рассуждают о феномене питания (в частности, национальной кухне) как важнейшем элементе культурной системы общества.

К. Леви-Стросс в своей работе «Структурная антропология» анализирует национальную кухню как разновидность языка, которая может быть аналитически разложена на составные элементы, называемые «густемами», сгруппированными согласно некоторым структурам по принципу противопоставления и корреляции.

Наиболее значима здесь концепция символического значения пищи (С. Кириленко).

В своем подходе С. Кириленко начинает с того, что погружает в историю становления представлений о питании. Она говорит о том, что традиционно потребление - это способ удовлетворения базисных человеческих потребностей с помощью расходов товаров, продуктов питания.

Вследствие этого возникает процесс социального конструирования чувства тождественности, то есть принадлежности к той или иной группе. Так, потребление определенного рода продуктов для обозначения себя как

члена определенного класса, субкультуры или, наоборот - для подчеркивания своего пребывания вне ее.

«Сложность исследования символическое значение пищи, как и других предметных реалий культуры, связанная с тем, что она не создана специально для передачи сообщений. Специфика знаковых свойств бытовых предметов определяется их промежуточным положением между миром утилитарным и миром символическим» [6], - пишет социолог и культуролог С. Кириленко в работе «Символизация пищи в современном обществе».

При этом в разных культурах доминирующее значение приобретают различные знаковые системы, которые способны изменять семиотический статус объектов. В традиционной культуре - это ритуал, а в современном обществе - показное потребление и реклама.

Еда также получает знаковые функции при вхождении в определенную знаковую систему. «Информативные коды пищи возникают в процессе коммуникации, тесно связаны с социальным и культурно-историческим контекстом» [7].

Истоки интеракционистско-ролевого подхода можно обнаружить в работе З. Фрейда «Тотем и табу». В частности, он обращает внимание на этическую, моральную функцию общественной жертвенной трапезы в архаических обществах, суть которой заключалась в древних представлениях людей о совместном потреблении еды и питья.

А именно, есть и пить с кем-нибудь означало для человека (сотрапезника) одновременно символ и подтверждение социальной общности и принятия на себя определенных взаимных обязательств. Причины подобных взглядов древних людей были обусловлены устойчивой убежденностью человека того времени, что родство основывается не только на факте происхождения, но и на пище, которой он питается и обновляет свое тело. То есть с чужими никто и никогда не будет делить общей трапезы, так как чужой состоит из другого материала. Причем если в древних

обществах совместная трапеза означало родство клана, то сегодня современная трапеза, по мнению З. Фрейда, характеризует семейное родство.

Современный немецкий социолог К. Вульф считает, что социальное действие – это, в первую очередь, чувственно-телесное подражание культурным практикам, соучастие в их конструировании. А поскольку питание – базовое проявление телесных практик, то они и создают сообщество в первую очередь: «члены семьи во время приема пищи удостоверяют перед лицом друг друга свою принадлежность к семье».

Феноменологический подход представлен преимущественно результатами качественных социологических исследований практик питания, проводимых в различных странах мира.

Таким образом, концепт социологии питания – это специфическая система норм, принципов и образцов воплощается в способах приготовления пищи, наборе принятых в данной культуре продуктов и их сочетаний, практике потребления продуктов питания, а также рефлексии над процессами приготовления и принятия пищи.

Концепт еды в социологии выполняет следующие функции: регулятивную, функцию маркировки социального и культурного статуса индивида, коммуникативную, трансляционные, функции идентификации и интеграции. При этом наиболее значимыми следует признать регулятивную функцию и функцию маркировки социального и культурного статуса.

С социологической точки зрения пища – это маркер социальной деления, важный объект статусного потребления. А совместная трапеза – важная форма социализации человека. Производство, распределение, приготовление, потребление пищи влияет на функционирование социальных структур.

Вкусовое сознание человека далеко не случайно, а обусловлено конкретными культурными, социальными и личностными факторами,

поэтому достаточно точно и к тому же многоаспектно демонстрирует его способ бытийствования.

В соответствии с известной поговоркой можно утверждать: «Скажи мне, что ты ешь, как ты ешь, что предпочитаешь, и я скажу, кто ты». Великие повара, мастера своего дела, заявляют, что достаточно посмотреть, как человек ест, чтобы сделать много существенных выводов о нем, то есть спроецировать особенности проявленной в процессе взаимодействия с пищей коммуникации на все остальные стороны жизни персоны.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Сочинения: В 2 т. М., 1993. Т. 1. с. 114
2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. – с. 467
3. Бурдьё П. Практический смысл /Пьер Бурдьё. СПб.: Алетейя, 2001. – с.14
4. http://redyar.samara.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=422&Itemid/Кириленко С. Особенности символизации пищи в современном обществе.с. 93 – 109
5. <http://biology.krc.karelia.ru/misc/at1/ra00.htm/>Мартынов А.С., Виноградов В.Г. Питание и образ жизни // Web-Атлас: Окружающая среда и здоровье населения России
6. http://redyar.samara.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=422&Itemid/Кириленко С. Особенности символизации пищи в современном обществе
7. http://redyar.samara.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=422&Itemid/Кириленко С. Особенности символизации пищи в современном обществе